

Исследование внешней политики ИРИ в отношении АзР: конструктивистский анализ

Др. Эхсан Мовахедиан¹

Аннотация

Отношения между Исламской Республикой Иран и Азербайджанской Республикой пережили многочисленные взлеты и падения с момента распада Советского Союза и обретения Азербайджаном независимости в 1991 году. Несмотря на глубокие исторические, культурные и цивилизационные связи между Ираном и Кавказским регионом, внешняя политика Ирана в отношении Азербайджана характеризовалась осторожным, а временами и пассивным подходом. Используя конструктивистскую теорию международных отношений и основываясь на углубленных интервью с десятью иранскими экспертами, специализирующимися на изучении Кавказа, данное исследование отвечает на вопрос о том, почему Исламская Республика Иран не отреагировала решительно и пропорционально на угрожающее поведение Азербайджанской Республики. Центральная гипотеза заключается в том, что, хотя Азербайджанская Республика демонстрировала угрожающее поведение в отношении Ирана, оно не встретило стратегического ответа, поскольку в представлении иранских институтов, принимающих решения, Азербайджан еще не сформировался как серьезная и неминуемая угроза. Результаты исследования указывают на то, что множество факторов – включая отсутствие четкой стратегии на Кавказе, недостаточное понимание региона органами, принимающими решения, влияние пробакинского лобби, соображения относительно отношений с Турцией и Россией, зависимость от транзитных маршрутов и специфические методы воздействия Баку на напряженность – сыграли важную роль в формировании этого примирительного подхода. Кроме того, историческое пренебрежение Ирана вопросом укрепления национального самосознания на основе иранской идентичности в Азербайджанской Республике способствовало формированию антииранской национальной идентичности. Тем не менее данные свидетельствуют о том, что восприятие угрозы со стороны Баку среди иранской элиты растет, что может привести к сдвигу в подходе Ирана. «Красные линии» ИРИ в отношении так называемого «Зангезурского коридора» остаются незыблемыми, и последние события показали, что успехи Ирана в региональных конфликтах способны усилить его роль на Кавказе.

Ключевые слова: внешняя политика Ирана, Азербайджанская Республика, конструктивизм, Кавказ, бакинское лобби, «Зангезурский коридор», азербайджанский национализм.

1. Введение

Регион Южного Кавказа издавна занимал особое место во внешней политике Ирана благодаря глубоким историческим, культурным и цивилизационным связям. С распадом Советского Союза в 1991 г. и обретением независимости Азербайджанской Республикой (АзР) началась новая глава в отношениях Ирана с регионом. Учитывая их религиозную, культурную и историческую близость, можно было ожидать высокого уровня сотрудничества между двумя странами. Однако их отношения на протяжении последних

¹ Доктор Эхсан Мовахедиан – известный иранский специалист по международным отношениям, преподаватель Университета Аламе Табатабаи (ATU) в Тегеране, где он занимается вопросами международной политики и геополитики Южного Кавказа. Получив степень PhD по международным отношениям в том же университете, он широко цитируется и приглашался к интервью различными международными СМИ за глубокий анализ региональной динамики, особенно в отношении Армении, Азербайджана и Ирана. Мовахедиан выступает за мир, суверенитет и сбалансированное сотрудничество в регионе. Он критикует использование Азербайджаном языка ультиматумов в мирных переговорах, предупреждая, что внешнее вмешательство может превратить Южный Кавказ в «геополитическую площадку конкуренции». Кроме того, он резко выступает против проектов вроде «Зангезурского коридора», рассматривая их как угрозу национальной безопасности Ирана и вызов суверенитету государств региона.

трех десятилетий характеризовались значительными колебаниями, и АзР неоднократно демонстрировала угрожающее поведение в отношении Ирана. Оно включает в себя широкое сотрудничество с Израилем в области безопасности и разведки, создание на своей территории разведывательных баз Моссада, направленных против ИРИ, соучастие в краже ядерных документов Ирана, полеты разведывательных беспилотников в сторону ядерных объектов в Натанзе (Athaari & Rahmani, 2022, pp. 66–75), а также сотрудничество с Израилем в ходе недавних атак на территорию Ирана.

Несмотря на эти враждебные действия, общая реакция Ирана была осторожной, а временами и пассивной. В связи с этим возникает главный вопрос исследования: почему Тегеран избрал примирительный подход к нарастающим угрозам со стороны АзР и воздержался от решительного сдерживающего ответа?

Для ответа на этот вопрос в данном исследовании используются теоретические положения конструктивизма. На основе результатов углубленных интервью с десятью экспертами-специалистами по Кавказу анализируются причины и факторы, определяющие внешнюю политику Ирана в отношении АзР. Опрошенные эксперты единодушно сходятся во мнении, что Кавказский регион имеет внутренний и стратегический приоритет для Ирана, и Тегеран стремится к активной и самостоятельной роли в этом регионе, не допуская превращения Кавказа в разменную монету в политических сделках с соперничающими державами, такими как РФ, Турция и США. Глубокие культурные, исторические и цивилизационные связи между Ираном и Кавказом определяют этот регион как часть «Культурного Ирана», что обуславливает необходимость сохранения активного и независимого присутствия Ирана в кавказском уравнении.

2. Теоретические рамки: конструктивизм и внешняя политика

Конструктивистская теория международных отношений подчеркивает роль смысловых структур, идентичностей, идей и менталитетов, формирующихся между акторами и определяющих их внешнеполитические интересы и поведение. В отличие от реалистических теорий, рассматривающих интересы как объективные, материальные и предопределенные, конструктивизм исходит из того, что интересы и идентичности являются продуктами социального и интересубъективного взаимодействия между акторами и конструируются в ходе этого процесса. Александр Вендт, один из ведущих теоретиков конструктивизма, утверждает, что **«социальные реалии»** в международных отношениях являются продуктами значений, которые акторы им присваивают, а сами эти значения возникают в контексте взаимодействий и структур идентичности (Danesh Nia, 2015, pp. 68–74).

С точки зрения конструктивизма внешняя политика страны по отношению к другим акторам основывается на идеях, восприятиях и менталитетах, которые формируются сторонами друг о друге. Эти представления, являющиеся результатом исторического опыта взаимодействия, взаимопонимания и структур идентичности, определяют, воспринимается ли другой актор как **«друг»**, **«соперник»** или **«враг»**, и, соответственно, влияют на выбор соответствующей модели поведения. Иными словами, **«угроза»** – это не объективное понятие, существующее независимо от сознания акторов, а сконструированный феномен, формирующийся в ходе социальных взаимодействий и основанный на интерпретации внешних реалий акторами (Danesh Nia, 2015, pp. 64–68).

Применительно к ирано-азербайджанским отношениям использование конструктивистской теории позволяет выйти за рамки чисто материального и геополитического анализа и изучить семантические, идентификационные и ментальные измерения, формирующие поведение двух стран. Представления иранских официальных лиц в отношении АзР являются результатом сочетания исторических (общая цивилизационная память), идентификационных (религиозная и культурная общность), геополитических (общие границы и взаимозависимость) и стратегических (роль Израиля и Турции в Баку) факторов (Afzali, Seyedi Asl, Mahmoudi, 2014, стр. 253–254). Гипотеза данного исследования заключается в том, что среди этих факторов восприятие АзР как **«серьезной, сильной и неминуемой угрозы»** еще не в полной мере сформировалось в представлениях основных институтов принятия решений в ИРИ, что и объясняет примирительный подход Ирана к угрожающему поведению Баку.

Еще одним важным аспектом, который может быть проанализирован в рамках конструктивизма, является роль национальной и этнической идентичности в формировании внешнеполитического поведения. Конструктивизм подчеркивает, что национальные идентичности являются продуктом социальных и исторических процессов, а государства могут формировать свои стратегические представления и модели поведения посредством управления процессами формирования идентичности (Moshirzadeh, 2009, стр. 252). Пренебрежение Ирана данным процессом в АзР фундаментально изменило конфигурацию идентичности на Кавказе не в пользу Тегерана. В условиях ограниченного участия Ирана в процессах формирования идентичности в АзР после обретения ею независимости от бывшего Советского Союза, на этой арене активно действовали такие государства, как Россия, Израиль и Турция.

3. Методология исследования

В данном исследовании применяется качественный метод, основанный на проведении углубленных интервью с десятью видными экспертами и специалистами по Кавказу и отношениям Ирана с государствами региона. В число опрошенных экспертов вошли бывшие дипломаты, научные исследователи, стратегические аналитики и специалисты с большим опытом работы и исследований в данной области. Полученные в ходе интервью данные были извлечены и систематизированы с использованием метода качественного контент-анализа. Наряду с материалами научной литературы и документальными источниками они составляют аналитическую основу данного исследования.

4. Значение Кавказа как независимой переменной во внешней политике Ирана

Согласно консенсусу опрошенных экспертов, Кавказский регион имеет фундаментальное стратегическое значение для Исламской Республики Иран. Эта значимость коренится в глубоких исторических, культурных и цивилизационных связях, которые сделали Кавказ неотъемлемой частью «Культурного Ирана». Государства Южного Кавказа ментально и исторически близки иранской идентичности – до такой степени, что даже спорадические манипуляции с историческим наследием в этих странах не способны изменить укоренившиеся реалии. Иранские аналитики прямо заявляют, что Южный Кавказ

является геополитическим продолжением Ирана и гарантом его территориальной целостности. Ослабление позиций ИРИ в регионе может превратить его во «врата» для дестабилизации и даже распада самого Ирана. Таким образом, Кавказ выступает одной из опор сохранения национальной безопасности Ирана, и любая нерешительность в защите своих национальных интересов в этом регионе несет для нее прямую угрозу.

До событий 2023 г., которые привели к полной оккупации Арцаха со стороны АзР, Иран уделял недостаточно внимания этим манипуляциям с идентичностью и цивилизацией и недооценивал возможности и важность Кавказа. Подобная пассивность во многом объяснялась неосведомленностью значительной части официальных лиц страны об истинных исторических связях между Ираном и регионом. Другим важным фактором являлась концентрация внимания Тегерана на ближневосточном направлении, прежде всего на вопросах, связанных с Израилем и судьбой шиитского мира. Однако по мере того, как эти опасения распространились на Кавказ из-за политики АзР по поддержке Израиля, такфиристских течений и противодействия союзным Ирану группам сопротивления, особенно в Сирии, Иран резко пересмотрел свои приоритеты. Тегеран осознал, что не может удерживать свои позиции на Кавказе старыми, традиционными методами и должен серьезно прислушаться к предупреждениям экспертов, которые предостерегали его еще до войны 2020 года.

Сдвиг в региональном балансе сил в пользу США, Израиля и Турции – и в ущерб интересам Ирана и России – повлек за собой ряд шагов, направленных против национальных интересов Ирана, что вынудило его пересмотреть свою традиционно нейтральную точку зрения на Кавказский регион. Проявлением этой трансформации стали заявления доктора Али Акбара Велаяти, советника Верховного лидера ИРИ. Если ранее он считал, что Иран должен смотреть на события на Кавказе *«глазами России»*, то за последние два года он прямо заявлял, что Иран – как в партнерстве с Россией, так и без нее – не допустит создания так называемого *«Зангезурского коридора»* (entekhab.ir, 18 августа 2025 г.), добавив позднее, что так называемый *«Путь Трампа»* ничем не отличается от упомянутого т. н. *«Зангезурского коридора»* (tabnak.ir, 24 декабря 2025 г.). По мнению опрошенных экспертов, данный системный сдвиг в подходах внутри ИРИ сохранится и в будущем.

Таким образом, в настоящее время ИРИ стремится играть роль активного и независимого актора на Южном Кавказе, а не рассматривать регион в качестве разменной монеты в политических сделках с соперничающими державами, такими как Россия, Турция и США. Данное стремление не следует отождествлять с неспособностью Ирана реализовать вышесказанное. Другими словами, Тегеран пытался оказывать влияние и играть более значимую роль на Кавказе, но по ряду причин, рассматриваемых ниже, не преуспел в этом.

5. Причины и факторы примирительного подхода Ирана к угрозам со стороны Баку

Несмотря на стратегическую важность Кавказа для Ирана и признание этой важности экспертами, эффективность внешней политики Тегерана в этом регионе оказалась ниже ожиданий, а ответы на угрозы со стороны АзР носили в целом осторожный и пассивный характер. Ниже, основываясь на результатах углубленных интервью с экспертами, мы подробно рассматриваем основные факторы, стоящие за

этим подходом. Эти факторы привели к тому, что иранские политики не смогли адекватно воспринять опасное поведение Баку как источник угрозы, исказили восприятие, представления и оценки этой страны в сознании иранских официальных лиц в пользу Баку, упустили имеющиеся возможности и тем самым способствовали формированию нынешней неблагоприятной для Ирана ситуации на Кавказе. Эти факторы могут быть классифицированы в указанной выше последовательности, однако автор приводит их в порядке частоты упоминания в заявлениях экспертов:

А) Внутренние факторы:

- отсутствие четкой стратегии и институциональное соперничество внутри Ирана;
- нехватка экспертов и недостаточное понимание Кавказского региона в директивных органах;
- влияние пробакинского лобби в Иране;
- игнорирование усиления искусственного национализма в АзР и его последствий.

Б) Региональные и внерегиональные факторы:

- недооценка расширения израильского и британского влияния в Баку;
- соображения относительно отношений Ирана с Турцией;
- стремление избежать открытия нового фронта конфликта на северо-западе Ирана;
- соображения относительно отношений Ирана с Россией.

В) Экономические и геополитические факторы:

- зависимость транзитных маршрутов от Баку;
- оппортунистическая политика Баку, обусловленная игнорированием Ираном стратегических интересов Армении;
- упущенные возможности вследствие пренебрежения общественной дипломатией и сосредоточения исключительно на взаимодействии с правительством И. Алиева.

Г) Психологические и перцептивные факторы:

- преувеличение внутренних рисков конфронтации с Баку;
- непрозрачные и сложные антииранские действия Баку;
- разумное управление напряженностью со стороны Баку;
- недооценка угрозы со стороны Баку в силу его геополитической уязвимости;
- приоритетность конфронтации с Израилем и США;
- ошибочное поведение, вызванное поспешностью в попытках компенсации отставания на Кавказе.

Эти факторы подробно рассматриваются ниже в порядке частоты их упоминания в высказываниях 10-и опрошенных экспертов:

5-1. Отсутствие четкой стратегии и институциональное соперничество внутри Ирана

Одним из наиболее значимых факторов неэффективности внешней политики Ирана на Кавказе является отсутствие четкой, согласованной и долгосрочной стратегии в отношении данного региона. Все опрошенные эксперты подчеркивали, что Иран связан с тремя государствами Кавказского региона важными цивилизационными, культурными и религиозными узами, достигающими своего апогея в отношениях с преимущественно

шиитской АзР и ее азербайджанским населением. Эти связи привели к тому, что Иран всегда желал видеть безопасный, стабильный Кавказ, свободный от военных угроз и вызовов безопасности. Однако реализации этой цели помешало то, что, в отличие от Западной Азии и арабского Ближнего Востока, где ИРИ располагает относительно сформированными доктринами и стратегиями, в отношении Кавказа подобная кодифицированная стратегия отсутствует. Этот стратегический вакуум привел к тому, что различные иранские институты действуют в регионе одновременно, но без координации, нейтрализуя усилия друг друга из-за соперничества, дублирования и параллельной деятельности. Подобное соперничество существует не только между различными экономическими, политическими и силовыми структурами, но в отдельных случаях даже внутри одной структуры, где конкурируют сторонники двух разных взглядов. Отсутствие четкой стратегии на Кавказе также означало, что на протяжении последних трех десятилетий внимание и ресурсы Ирана в разное время были полностью направлены на другие кризисные зоны – такие как Афганистан, Ближний Восток или противостояние с США, – тогда как Кавказ оставался на периферии внешнеполитических приоритетов ИРИ. Как отметил один из опрошенных экспертов: **«Одной из проблем внешней политики Ирана является то, что он не активизируется на нескольких направлениях одновременно, когда этого требует ситуация. Когда приоритет отдается более громким секторам, Кавказ естественным образом оказывается на периферии внимания»**.

Негативным последствием отсутствия четкой стратегии по делам Кавказа в ИРИ является персонализация действий в отношении трех государств региона. Иными словами, если руководство структур, определяющих политику в отношении Кавказа в Иране, осуществляют компетентные люди с глубоким пониманием и точным, выверенным анализом развития событий в этом регионе, то принимаются соответствующие эффективные решения. В противном случае доминирующим подходом ИРИ в отношении Кавказа становится несогласованность действий и низкая результативность.

5-2. Нехватка экспертов и недостаточное понимание Кавказского региона в директивных органах

По сравнению с обилием экспертов и специализированных институтов, занимающихся проблематикой Западной Азии и арабского Ближнего Востока, число специалистов и институтов в Иране, посвященных Кавказу, очень ограничено. Этот пробел в экспертных знаниях, также подчеркнутый аналитиками в этой области, уходит корнями в десятилетия институционального пренебрежения и отсутствия системного подхода к изучению этого стратегически важного региона. По мнению экспертов, нехватка достаточного опыта способствовала упрощению понимания угроз Ирану на Южном Кавказе в директивных органах, разладу между различными институтами и неспособности глубоко понять региональные события, что привело к исторически упущенным возможностям. Эта слабость в ряде случаев приводила к односторонним уступкам Баку.

Недостаток экспертных знаний также обусловил то, что многие иранские чиновники со времен революции не обладали достаточными историческими знаниями, особенно в отношении многовековых связей ИРИ с Кавказским регионом, вследствие чего они игнорировали потенциал концепции «Культурного Ирана» в этом регионе.

Кавказ составляет значительную часть истории и культурной идентичности Ирана, но внимание к этим связям и усилия по укреплению персидского языка и культурного присутствия в этом регионе начались очень поздно из-за нехватки опыта и неосведомленности директивных органов. Внимание к глубоким историческим, религиозным и идентификационным узам между странами могло бы стать платформой для культурного влияния и общественной дипломатии Ирана, однако историческое пренебрежение этим общим наследием уступило пространство культурного, политического и экономического присутствия соперникам. Экспертное и институциональное пренебрежение позволило интенсивно продолжаться систематической политике по стиранию иранской идентичности из этого региона – такой как политика борьбы с персидским языком и персоязычными этническими группами, например, татами в АзР. Даже продвижение антииранских геополитических проектов, к примеру т. н. «*Зангезурского коридора*», является прямым следствием этой слабости и пренебрежения глубоким культурным влиянием Ирана на Кавказе.

Это недостаточное и поверхностное понимание региона приводит к тому, что угрозы со стороны Баку классифицируются как **разовые**, преходящие и относительно незначительные действия, а не как институциональная и стратегическая угроза. В результате Иран оказывается в «геополитическом капкане» на Южном Кавказе, но из-за слабости экспертной базы и отсутствия единого стратегического анализа ему не хватает достаточной осведомленности о глубине и масштабе замыслов противника. Долгосрочные проекты Баку – такие как формирование религиозной идентичности, дешиитизация и изменение демографической структуры – интерпретируются не как «**систематическая тенденция**», а как второстепенные и временные вопросы. Это позволяет АзР беспрепятственно продвигать свои антииранские психологические операции, формировать нужные ему идентичности и вести полномасштабную гибридную войну против интересов ИРИ в регионе.

Данные указывают на то, что в профессиональном плане политические, культурные и военные кадры Ирана на Кавказе значительно уступали по уровню релевантного опыта и послужного списка специалистам, назначенным европейскими странами, Турцией и США. Такой дисбаланс в качестве подготовки дипломатов и полевых оперативников поставил Иран в условия неравной конкуренции с державами, которые на протяжении десятилетий целенаправленно инвестировали в воспитание поколений квалифицированных дипломатов и экспертов по Кавказу. Стратегическое поражение Исламской Республики Иран в ходе Второй карабахской войны было в первую очередь обусловлено неспособностью иранских оперативников уловить полевую динамику региона и конкурировать с опытными дипломатами соперничающих государств.

5-3. Пренебрежение расширением израильского и британского влияния в Баку

По мнению абсолютного большинства экспертов, опрошенных в ходе углубленных интервью, АзР за последние два десятилетия стала базой для деятельности израильской разведки и служб безопасности против Ирана. В частности, Моссад создал в АзР инфраструктуру для содействия шпионажу против ИРИ. Израильские разведывательные

сети действуют под прикрытием сельскохозяйственной, технологической и экономической деятельности вдоль ирано-азербайджанской границы. Это глубокое проникновение, сопровождаемое растущим присутствием Великобритании в структурах безопасности и разведки Баку, создало серьезную и нарастающую угрозу национальной безопасности Ирана. Тем не менее из-за ошибочных ментальных конструкций и стереотипов лиц, принимающих решения, реакция Тегерана на эту угрозу в основном оставалась на уровне дипломатических предупреждений и выражений обеспокоенности.

Обзор заявлений и аналитики кавказских экспертов свидетельствует, что данная угроза подлежит рассмотрению в 3-х самостоятельных, но взаимосвязанных плоскостях: это степень и охват разведывательно-силового влияния, его сопряженность с экономической и военной инфраструктурой, а также уязвимость аналитического и реактивного механизмов Ирана.

С точки зрения уровня и масштаба влияния, это проникновение выходит далеко за рамки стандартного сотрудничества и охватывает **«разведывательно-шпионское»**, **«кибернетическое, коммуникационное и медийное»** и **«политико-дипломатическое»** измерения. Деятельность Моссада в Баку не ограничивается операциями против Ирана; скорее, он создал сложную сеть влияния на всех уровнях государственного управления и общества в АзР. Как следствие, израильские официальные лица называют АзР не просто союзником, а **«израильским стратегическим активом»**. Игнорирование этой угрозы со временем привело к проникновению беспилотников Израиля с территории АзР и через его границы в воздушное пространство Ирана во время двух недавних региональных конфликтов («12-дневной» и «40-дневной» войн). Это раскрыло беспрецедентные новые измерения указанной угрозы – уже не ограничивающейся традиционной разведывательной деятельностью, а включающей прямое соучастие Баку в израильской агрессии против Ирана.

Что касается связи между разведывательным проникновением и предоставлением Израилю экономической и военной инфраструктуры в АзР, то здесь эксперты приводят более подробный анализ. Например, трубопровод Баку–Тбилиси–Джейхан протяженностью 1770 км, который обеспечивает от 40 до 60% потребностей Израиля в нефти, практически защищается израильскими беспилотниками ***Heron*** и ***Hermes***, и это присутствие обеспечивает необходимое прикрытие безопасности для разведывательной деятельности Моссада. Израиль располагает базами беспилотников как минимум в 4 локациях в АзР, а использование ее территории для полетов разведывательных БПЛА в Иран является доказанным фактом. Примечательно, что первый военный контракт Израиля с АзР предусматривал поставку ракет класса «берег-море», то есть – оснащение Азербайджана для противостояния Ирану.

Напротив, ошибочные ментальные установки иранских официальных лиц привели к политике **«чрезмерной сдержанности»**, и данный подход **«создал у бакинских чиновников иллюзию вседозволенности»**. Хотя Исламская Республика Иран не стремится к военному конфликту со своими соседями, чрезмерная сдержанность послала Баку ложный сигнал о слабости и нерешительности Тегерана, что побудило азербайджанских официальных лиц усилить свое противостояние и продвинуться в области разведывательно-силового сотрудничества с Израилем. В то же время очевидно, что события, последовавшие за двумя недавними войнами против Ирана, неизбежно

приведут к фундаментальному пересмотру политики ИРИ в области безопасности и региональной политики, особенно на Кавказе.

5-4. Игнорирование усиления ложного национализма в АзР и его последствия

Одним из самых фундаментальных, но в то же время наиболее игнорируемых факторов, формирующих нынешнюю ситуацию в ирано-азербайджанских отношениях, является стратегическая недооценка Ираном процессов формирования идентичности и национализма в АзР. Эта недооценка имела глубокие и долгосрочные последствия для менталитета двух стран и регионального уравнения.

После распада Советского Союза Азербайджан находился в поиске независимой идентичности. Страна стояла на перепутье: с одной стороны, глубокие культурные, исторические, религиозные и цивилизационные связи с Ираном могли лечь в основу ее национальной идентичности и прочно связать ее с «Культурным Ираном»; с другой стороны, дискурс пантюркизма и тюркоцентричного национализма, активно поддерживаемый Турцией, предлагал бакинским элитам иной путь. Укрепление иранской идентичности в АзР с опорой на эти общие узы могло бы гарантировать возвращение страны в орбиту иранской идентичности и предотвратить формирование там антииранского национализма. Однако Иран пренебрег этим важнейшим моментом.

Существующая литература об азербайджанском национализме ясно показывает, что постсоветская национальная идентичность АзР носит ярко выраженный антииранский и преимущественно тюркоцентричный характер. Данная идентичность конструировалась таким образом, чтобы представить Иран – как культуру и историческую сущность – в роли **«чужого»**, то есть главного противника и врага. Сегодня быть азербайджанцем означает отвергать любую цивилизационную связь с Ираном. Убеждение в том, что азербайджанцы были и остаются жертвами иранцев, прививается детям через государственную пропаганду и школьные программы. Даже местные жители в этой стране подвергаются арестам и тюремному заключению по обвинению в иранофилии или проведении траурных церемоний по третьему шиитскому имаму (в память об имаме Хусейне), а СМИ страны насыщены негативными новостями об Иране (hawzahnews.com, 11 мая 2024 г.). Закрытие сухопутной границы под предлогом пандемии коронавируса 6 лет назад также сократило культурные и экономические обмены между двумя странами и способствовало распространению и принятию антииранской пропаганды среди населения АзР.

АзР в конечном итоге заимствовала основы своей идентичности у Турции и Израиля, ради чего для республики была создана фальшивая история. Эта фальшивая история систематически отрицает исторические связи этой земли с Ираном и преувеличивает тюркоцентричный антииранский нарратив. Основываясь на существующих анализах, **«азербайджанское правительство претендует на владение частями Ирана»**, и эти экспансионистские притязания продвигаются под таким названием, как **«Великий Азербайджан»**. Азербайджанский национализм характеризуется такими понятиями, как ирредентизм и экспансионизм, а правительство АзР выдвигает в своих СМИ территориальные экспансионистские притязания на международно признанные территории, включая регионы Ирана (tabnak.ir, 23 января 2024 г.).

По словам опрошенных экспертов, основы антииранских настроений в АзР восходят к 1918 году, когда концепция азербайджанской нации к северу от реки Араз (Аракс) была впервые выкована под влиянием идеологии пантюркизма. Политические элиты с пантюркистскими взглядами в этом регионе опирались на концепцию этнического национализма, **«чтобы воспитать чувство антииранской идентичности среди иранских азербайджанцев»**.

Если бы Иран активно участвовал в процессе формирования национальной идентичности в АзР в первые годы ее независимости и укреплял общие узы идентичности посредством культурных, медийных и образовательных инвестиций, исход нынешнего уравнения мог бы быть совсем иным. Пренебрежение этим стратегическим вопросом создало вакуум, который заполнили соперничающие и враждебные дискурсы – пантюркизм Турции и сионизм Израиля.

Как выразился один из опрошенных экспертов, Иран не только проиграл конкуренцию за идентичность в АзР, но вплоть до Второй карабахской войны в принципе не осознавал значимости этого соперничества и не участвовал в нем. В Тегеране не могли предположить, что столкнутся с подобным вызовом и угрозой со стороны преимущественно шиитской страны с азербайджанским населением, имеющим глубокие связи с миллионами граждан Ирана. Это упущение можно считать одной из самых фундаментальных стратегических ошибок Ирана на Кавказе, последствия которой ощущаются и по сей день. По мнению экспертов, если бы в АзР в свое время продвигался подлинный национализм, сегодня мы бы стали свидетелями связи этой страны с историей Ирана и возвращения к иранской идентичности. Стоит также отметить, что некоторые официальные лица в Иране, имеющие азербайджанские корни, из-за эмоциональных и этнических связей с жителями АзР все еще не в полной мере способны принять эту реальность.

5-5. Влияние пробакинского лобби в Иране

Одним из важных и влиятельных факторов, формирующих примирительный подход Ирана к Баку, является наличие влиятельного лобби, поддерживающего АзР внутри политической и экономической структуры Ирана. Данное явление, известное в международной литературе как **«икорная дипломатия»**, охватывает сеть лиц и групп, стремящихся различными способами воздействовать на внешнюю политику стран в интересах АзР.

В Германии самый громкий случай связан с печально известным скандалом **«Азербайджанский ландромат»**, который привел к осуждению нескольких высокопоставленных политиков Бундестага. Одним из фигурантов данного дела стал Аксель Фишер, член партии Христианско-демократический союз Германии. В январе 2026 г. ему были предъявлены обвинения в получении десятков тысяч евро от азербайджанской сети влияния в обмен на предоставление Баку конфиденциальных парламентских документов и голосование в его пользу. Впоследствии суд приговорил его к 14 месяцам тюремного заключения условно, двухлетнему запрету на занятие государственных должностей и штрафу в размере €12,000 (Dowsett, occsrp.org, 2026).

Другим фигурантом дела стал Эдуард Линтнер из Социал-демократической партии Германии. Он также признался в получении нескольких миллионов евро от

правительства Алиева в период с 2008 по 2016 гг., потратив часть этих денег на подкуп голосов в пользу Азербайджана в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ). По итогам судебного разбирательства он был приговорен к 9 месяцам тюремного заключения условно и штрафу (ОССРП, occrp.org, 2025).

В Соединенных Штатах одним из заметных примеров подобного рода стал случай Генри Куэльяра, представителя Демократической партии от штата Техас. Ему и его жене Имельде Куэльяр в мае 2024 года были предъявлены обвинения в получении взяток на сумму не менее \$360,000 от компаний, аффилированных с правительством Азербайджанской Республики. Обвинения включали отмывание денег, сговор с целью нарушения Закона о регистрации иностранных агентов (FARA) и подкуп должностного лица. Это дело считается одним из крупнейших скандалов последних лет, связанных с иностранным влиянием в Конгрессе США (mirrorspectator.com, 2024).

В Иране аналогичные механизмы влияния также имеют место. Некоторые из вовлеченных лиц поддерживают Баку в силу этнической принадлежности, культурных и языковых общностей, тогда как другие имеют конкретные материальные и экономические интересы в такой поддержке. Используя свое влияние в экономических, политических и медийных структурах, данная группа препятствует формированию представления о Баку как об источнике угроз и враждебном акторе в отношении интересов Ирана. Данная сеть влияния затрудняет достижение консенсуса для надлежащего взаимодействия с Баку, а также препятствует разработке конкретной стратегии на Кавказе для обеспечения национальных интересов Ирана. Продвигая собственные интересы и предпочтения, представители данной сети стремятся выдать их за общенациональные перед различными политическими, военными, культурными и силовыми ведомствами, принимающими решения по Кавказу.

Влияние бакинского лобби проявляется на 4-х структурных уровнях: военно-политическом (представлен лицами в религиозном облики, которые, демонстрируя лояльность Исламской Республике, на практике поддерживают интересы Турции и АзР), медийном (включает экспертов, публикующих благоприятные для Баку и Турции статьи в газетах и изданиях), элитарном (охватывает лиц, участвующих в принятии политических решений) и интернет-троллей (представлен интернет-актерами, дискредитирующими национальных активистов, поддерживающих национальные интересы Ирана).

По оценкам опрошенных экспертов, бакинское лобби использует такие методы, как создание издержек и проблем для благонамеренных экспертов и сил на кавказском поле, распространение и утечка информации, преуменьшение значимости и цензурирование реалий для предотвращения решительных шагов Тегерана и избежания любых неожиданностей, искажение реалий, психологические операции и т. д. Конечным результатом этих действий является блокировка каналов принятия решений в Тегеране в отношении Баку.

Ключевым действием этого лобби является фабрикация ложных нарративов. В 2020 г. они заявляли, что Карабах – это исламская земля, и что Иран должен радоваться его захвату Азербайджаном. Реальность же заключалась в том, что территория, принадлежащая армянам, была отдана правительством И. Алиева Израилю для создания «**коридора**», угрожающего интересам Ирана. Позже бакинское лобби ложно утверждало, что никакого коридора не существует, а происходящее – лишь спор между двумя странами (РА и АзР),

который уже разрешен. Затем продвигался тезис, будто этот **«коридор»** является сугубо российским и не имеет никакого отношения к Соединенным Штатам. Когда же эксперты предупредили, что т. н. *«Зангезурский коридор»*, по сути, является натовским *«Туранским коридором»*, эти заявления снова стали отрицаться. Сейчас, когда Д. Трамп лично вошел на Кавказ, чтобы продвинуть *«Путь Трампа»* против Ирана, лоббистские структуры замолчали. Их цель – сделать так, чтобы у Ирана не было достаточно времени для реагирования и он был застигнут врасплох, скованный противостоянием с США и Израилем, экономическим давлением и сепаратистскими движениями на различных границах страны.

Еще одна важная психологическая операция бакинского лобби в Тегеране – предупреждение официальных лиц о **«ловушке войны»**. Его представители утверждают, что Иран не должен, протестуя против антииранских действий правительства И. Алиева, ставить страну на путь напряженности и войны с АзР и создавать новые издержки. Цель состоит в том, чтобы удерживать военные институты и структуры безопасности Ирана в пассивном состоянии, позволяя правительству И. Алиева достигать своих целей на Кавказе без малейших затрат или беспокойства о сильной и суровой реакции со стороны Тегерана. Израиль и Турция играют непосредственную роль в идеологической подпитке бакинского лобби в Иране.

По мнению экспертов, пантюркистское лобби больше не в силах снизить интенсивность действий Ирана против израильского режима в АзР; Тегеран не потерпит сотрудничества Баку с Израилем и предпримет необходимые действия в этом отношении. Однако бакинское лобби усиленно стремится к тому, чтобы все коридоры и транзитные пути Ирана на северо-западе страны зависели от него самого при передаче товаров и энергии, и пытается максимально осложнить создание путей, независимых от Баку, в сторону России через Каспийское море, а также через Армению и Грузию. Инструментами этого лобби влияния выступают такие действия, как атака на иранский порт Энзели в недавней войне, настойчивое стремление проложить газопровод Россия–Иран через Азербайджан, противодействие строительству второго пограничного моста между Ираном и Арменией через реку Араз (Аракс), препятствование развитию ирано-армянского пограничного терминала и усилия по созданию и консолидации т. н. *«Зангезурского коридора»* и *«Пути Трампа»* для ослабления коридора *«Север–Юг»* из Ирана в сторону стран Кавказа.

Бакинское лобби также продвигает среди иранских азербайджанцев идею о том, что Иран и *«Ось сопротивления»* были ослаблены в противостоянии с США и Израилем. На этом фоне продвигается тезис о необходимости интеграции иранских азербайджанцев в *«тюркский мир»*. Это делается для того, чтобы проложить путь для постепенного проникновения США, Турции и Израиля в азербайджанские регионы Ирана. В такой концепции т. н. *«Зангезурский коридор»* превратится во внутренний маршрут т. н. *«тюркского мира»*, облегчая этим странам доступ к Центральной Азии для создания угроз интересам Китая и России, а также для продвижения *«Авраамовых соглашений»* и усиления израильского присутствия в регионе. Для достижения этих целей и формирования *«тюркского мира»* азербайджанская этническая группа должна быть очищена от своей иранской исторической, культурной и религиозной идентичности с целью его окончательного отделения от Ирана. В то же время безоговорочная поддержка своей страны иранскими азербайджанскими провинциями во время двух

недавних войн показала, что эти цели еще не достигнуты. Тем не менее ожидается, что с усилением медийной активности в Иране, разоблачающей деструктивную роль правительства И. Алиева и его лобби в Иране перед широкой общественностью – особенно в азербайджанских провинциях – внимание государственных органов к этому вопросу также возрастет. Также необходимо шире обсуждать в СМИ экономические и политические выгоды от расширения присутствия Ирана в регионе Южного Кавказа, которое в стратегическом отношении может выполнять функцию, аналогичную Ормузскому проливу для Ирана. В условиях войны против Ирана такое присутствие нанесло бы ущерб интересам Великобритании и Израиля в области транзита энергии и заблокировало бы воздушные и сухопутные коридоры, используемые врагами и соперниками Ирана.

5-6. Соображения относительно отношений Ирана с Турцией

Эксперты считают, что ИРИ стремится избежать прямой конфронтации с Турцией из-за Азербайджана. Будучи главным союзником Баку и членом НАТО, Турция пользуется значительным влиянием в этой стране, и любая серьезная конфронтация Тегерана с Баку может привести к резкой эскалации отношений с Анкарой, что повлечет за собой тяжелые издержки для Ирана. Эти опасения усилились особенно после военных действий, развязанных США и Израилем против ИРИ, в ответ на которые Иран нанес удары по объектам США в арабских государствах на южном побережье Персидского залива. Более того, Иран и Турция разделяют общие интересы в таких критически важных вопросах, как ослабление курдского влияния вдоль своих границ, и данная конвергенция интересов усиливает мотивацию Ирана избегать напряженности в отношениях с Турцией.

Хотя стратегические оговорки Тегерана в отношении Анкары вытекают из глубокого понимания асимметрии власти и тяжелых издержек прямой конфронтации, стремление Ирана избегать напряженности в отношениях с Турцией не означает игнорирования его геополитических «красных линий». Иран считает любое геополитическое изменение на Кавказе «красной линией», и эта позиция остается неизменной. С этой точки зрения Иран решительно выступает против создания коммуникационных коридоров, задуманных Турцией и спроектированных без согласования с Тегераном – таких как т. н. «*Зангезурский коридор*» или натовский «*Туранский коридор*». ИРИ видит в них прямую угрозу своей национальной безопасности. Иными словами, стратегическое терпение Ирана по отношению к Анкаре – это не пассивность, а просчитанная формула управления конфликтами в краткосрочной перспективе при сохранении рычагов давления для защиты жизненно важных интересов в долгосрочной перспективе. Безусловно, Анкара, продвигая пантюркизм среди иранских азербайджанцев для установления культурно-идеологического влияния и выдвигая обвинения в том, что «*Иран препятствует открытию линий связи*», стремится оправдать свои геополитические проекты и оказать давление на Тегеран.

В этом сложном уравнении также заслуживают внимания роль и влияние некоторых других региональных акторов, особенно Пакистана. Хотя Пакистан в силу своих тесных отношений с Ираном и Турцией обладает потенциалом играть посредническую роль в спорах, учитывая геополитический вес Анкары и глубину ее стратегического сотрудничества с Баку, роль Исламабада гораздо более ограничена и

ситуативна по сравнению с турецкой. С учетом мощного турецкого фактора подход Тегерана к Баку будет представлять собой баланс «умного сдерживания», стратегического терпения и использования дипломатических и экономических возможностей для поддержания баланса сил в регионе.

5-7. Избегание открытия нового фронта конфликта в северо-западном Иране

После двух войн, навязанных США и Израилем, а также масштабных попыток разжигания гражданской войны внутри страны, ИРИ сталкивается с вызовами безопасности на 3-х основных направлениях, что создает картину стратегического окружения. На западном фронте северные районы Ирака, граничащие с Сирией, превратились в зону конкуренции для курдских прокси-групп, поддерживаемых США, Израилем и некоторыми другими крупными державами, в частности Францией. Опасения, связанные с деятельностью этих террористических групп и их попытками перенести напряженность на западные сухопутные границы Ирана, держат страну в состоянии постоянной боевой готовности.

Одновременно на южном направлении регион Персидского залива и Ормузский пролив стали эпицентром прямой конфронтации между Тегераном и Вашингтоном. Военно-морская блокада США, направленная на срыв экспорта иранской нефти и оказание экономического давления в преддверии промежуточных выборов в Конгресс, обернулась против самого Белого дома, нанеся удар по американской экономике из-за резкого скачка цен на энергоресурсы. Верховный лидер Исламской революции, настаивая на выводе войск США из региона и разрабатывая новые рамки управления Ормузским проливом, эффективно перехватил инициативу и последовательно продвигает концепцию будущего Персидского залива без иностранного военного присутствия. В то же время Трамп, преследуя цель победы в противостоянии с ИРИ, рассматривает предельное ограничение иранского нефтяного экспорта как инструмент провоцирования внутреннего экономического кризиса и массовых протестов в стране. Данная стратегия расценивается как подготовка к очередной агрессии, в рамках которой предпринимаются попытки дестабилизировать и южные рубежи Ирана. В этой связи в СМИ появились сообщения о террористической активности ряда белуджских группировок на восточных границах Ирана и присутствии вооруженных сил США в Туркменистане, столица которого находится в нескольких минутах езды от иранских границ.

В условиях текущей нестабильности Иран стремится не допустить открытия четвертого фронта на своих северо-западных рубежах, несмотря на данные о сосредоточении враждебных военных элементов и сил безопасности в АзР. Прямое столкновение с Баку, защищенным договором о взаимной обороне с Турцией, чревато тяжелыми последствиями для Тегерана. Таким образом, минимизация рисков эскалации на азербайджанском направлении и перераспределение ресурсов для сдерживания угроз на иных границах становятся критически важным условием национальной безопасности Ирана. В указанных обстоятельствах открытие нового фронта на северо-западе страны и вступление в серьезное противостояние с АзР может оказать дополнительное давление на военный, оборонный и экономический потенциал Ирана. По мнению экспертов, сейчас Иран предпочитает избегать эскалации напряженности на новых фронтах, концентрируя свои ресурсы на управлении уже существующими кризисами.

5-8. Зависимость транзитных маршрутов Ирана от Баку

Война в Украине и жесткие западные санкции против России фактически превратили коридор «Север–Юг» в жизненно важную артерию для транспортировки товаров первой необходимости и вооружений между Ираном и Россией, а Каспийское море стало безопасным пространством вне западного наблюдения. В этих условиях Азербайджанская Республика стремится стать центральным связующим звеном этого коридора, делая все, чтобы логистические потоки между Ираном и Россией проходили через ее территорию. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что транзитные маршруты Ирана в Европу и Россию в последние годы попали в сильную зависимость от проезда через Турцию и Азербайджан. Это ставит Тегеран в уязвимое положение перед политическим давлением со стороны обоих государств. Ситуация усугубляется тем, что транзитный маршрут из Ирана в Армению до сих пор полностью не расширен и не реконструирован: на большинстве участков этой горной дороги невозможна скорость грузового транспорта выше 40 км/ч. Израильские атаки на порт Энзели в марте 2026 года, целью которых были ракетные катера, штаб-квартиры командования и портовая инфраструктура, были не просто военной операцией против Ирана. Их стратегическая задача – перерезать прямой каспийский транзитный коридор между Ираном и Россией, послав Москве прямой сигнал о высокой цене сотрудничества с Тегераном. Российская сторона оперативно отреагировала на эти атаки, назвав порт Энзели жизненно важным и стратегическим центром торговли товарами первой необходимости, безопасность которого напрямую связана с интересами Москвы.

Эту уязвимость существенно усугубляют целенаправленные усилия по ограничению альтернативных маршрутов. Иран и его союзники стали платформой для сопротивления доминирующей западной гегемонии, а Израиль и Украина в сотрудничестве с Баку управляют торговыми путями между Ираном и Россией таким образом, чтобы они проходили исключительно через территорию Азербайджанской Республики. В эти рамки укладываются и атаки на порт Энзели в марте 2026 г., целью которых было ограничить транзитный маршрут между Ираном и Россией исключительно прохождением через территорию Баку. Параллельно с этим Баку и Анкара активно настаивают на реализации т. н. «*Зангезурского коридора*». Реализация этого проекта станет мощным геополитическим рычагом против Тегерана: он не только разорвет прямую связь Ирана с Арменией, но и исключит провинцию Восточный Азербайджан из транзитных маршрутов Анкара–Баку, эффективно превратив зависимость Тегерана от Турции и Азербайджана в необратимую уязвимость. Подобная модель демонстрирует стратегию противника: нейтрализовать любой прорыв в осаде, привязав его к новому хрупкому звену.

Текущая ситуация – ограничение путей обхода санкций одной или двумя ключевыми точками в географии Кавказа – представляет собой явную стратегическую уязвимость для Исламской Республики Иран. В этих реалиях необходимость диверсификации альтернативных маршрутов перерастает из категории чисто экономического выбора в неоспоримый императив национальной безопасности. В нынешних условиях коридор «Север–Юг» чрезмерно хрупок, и любая напряженность в отношениях с Баку или атаки на портовую инфраструктуру Ирана и России способны парализовать цепочки поставок в

Иран товаров первой необходимости и военной техники. Долгосрочная политика Тегерана не может замыкаться на одной оси; ее фундаментом должна стать разветвленная сеть взаимодополняющих маршрутов. Иран должен активно стремиться к возрождению альтернативных логистических хабов, задействовав потенциал восточных партнеров, южные порты и даже новые проходы в северо-восточной географии. Комплексная диверсификация оборонно-экономических коридоров является ключом к нейтрализации рычагов взаимного давления и переходу игры от текущего состояния уязвимости к устойчивому сдерживанию в региональных уравнениях Кавказа.

5-9. Соображения относительно отношений Ирана с Россией

Россия, несмотря на ее не самые благоприятные отношения с президентом Азербайджана И. Алиевым, всегда рассматривала Иран на Южном Кавказе не как равного партнера, а как соперника. Эта точка зрения уходит корнями в многолетнее историческое соперничество: обе страны убеждены, что рост влияния одной из них в этом чувствительном регионе неизбежно ведет к ослаблению позиций другой стороны. Естественно, подобный российский подход применим не только в отношении Ирана; Москва столь же чувствительна к растущему присутствию США, Турции и европейских стран на Южном Кавказе, интерпретируя любое усиление их роли как ослабление своей собственной. В нынешних условиях Москва, несмотря на ее озабоченность сближением правительства Алиева с Соединенными Штатами и подписанием значимых меморандумов о взаимопонимании с Вашингтоном в сферах экономики и безопасности, не приветствует решительных односторонних действий Ирана против Баку.

С точки зрения Кремля, любой прямой конфликт между Ираном и Азербайджанской Республикой стал бы дополнительным фактором беспокойства в и без того сложном уравнении, что потенциально способно нарушить исключительное влияние Москвы на Кавказе – наследие, восходящее к советской эпохе. В кавказской геополитике Россия стремится сохранить за собой роль единственного регулятора и главного арбитра, рассматривая любые военные действия или шаги Тегерана по нагнетанию напряженности в этом регионе как фактор, который оттеснит ее на второй план. Москва предпочла бы, чтобы Иран действовал на Кавказе лишь как ее прокси-сила. Для этого Кремль стремится преподносить свои интересы Ирану таким образом, чтобы Тегеран воспринимал их как свои собственные интересы и действовал исключительно в этом русле.

Это деликатное российское маневрирование наложило ограничения на варианты, доступные Тегерану на Южном Кавказе. Несмотря на стратегические и расширяющиеся отношения между Ираном и Россией в других областях – таких как военное сотрудничество и партнерство в БРИКС и ЕАЭС, – когда дело доходит до Кавказа, трения интересов между двумя сторонами становятся очевидными. Эти соображения помешали Ирану предпринять решительные действия против Баку без учета потенциальных издержек, наложенных Москвой, заставляя его постоянно соотносить свои шаги с кремлевскими «красными линиями». Ярким подтверждением тому является несогласие сторон по поводу опасности т. н. «*Зангезурского коридора*». Иран рассматривает этот проект как заговор с целью вытеснить его самого из кавказского уравнения и окружить его территориально, заявляя прямо, что готов сорвать его даже без поддержки России. Напротив, Россия полагает, что, благодаря

своему влиянию и рычагам воздействия на Кавказе, даже если этот проект будет реализован, она сможет извлечь из него выгоду и справиться с опасностями и вызовами, возникающими в связи с попытками США проникнуть на Южный Кавказ по этому маршруту.

Несмотря на эти вызовы, произошло знаменательное событие: традиционный взгляд ряда высокопоставленных деятелей Исламской Республики на характер взаимодействия с Россией на Южном Кавказе, по-видимому, претерпел изменения. Ярким примером служит позиция Али Акбар Велаяти, который в 1990-х гг., будучи министром иностранных дел, подчеркивал необходимость для Ирана смотреть на Кавказ *«глазами России»*, а сегодня пришел к выводу, что угрозы, связанные с созданием т. н. *«Зангезурского коридора»* и израильским влиянием в АзР, бьют по национальной безопасности Ирана столь сильно, что страна больше не может ориентироваться на наличие или отсутствие содействия со стороны РФ. В своих недавних заявлениях Велаяти прямо указал, что Иран – с помощью России или без нее – не позволит игнорировать свои северо-западные границы в угрожающих схемах нового Шелкового пути. Эта эволюция во взглядах Велаяти знаменует глубокий сдвиг парадигмы: Кавказ для Ирана перестал быть общим с Россией *«задним двором»* и превратился в линию фронта. Тегеран пришел к выводу, что в этой сложной шахматной партии он больше не обязан ни с кем координировать свои действия для защиты собственных интересов.

Конечно, эти взгляды не подразумевают враждебности Ирана по отношению к России в Кавказском регионе. Иран прекрасно понимает, что для продвижения своих интересов на Южном Кавказе он должен сотрудничать и взаимодействовать с Россией, которая присутствует в этом регионе на протяжении веков. Однако это взаимодействие не будет означать абсолютного принятия российских взглядов в отношении стран Кавказа, и Иран более не намерен быть просто подчиненным мнениям российских дипломатов в этом вопросе.

5-10. Преувеличение внутренних рисков конфронтации с Баку

По мнению ряда экспертов, обеспокоенность Тегерана столкнуться с внутренними протестами в азербайджанонаселенных районах Ирана в ответ на противодействие антииранским действиям Баку – еще один фактор, который в последние годы укрепил в некоторых кругах Тегерана политику умиротворения и воздержания от решительной конфронтации с АзР. Однако эксперты подчеркивают, что подобные страхи оторваны от реальности на местах и коренятся в подстрекательстве со стороны пантюркистских течений и медиаресурсов, аффилированных с Баку. Лобби, поддерживающее И. Алиева, последовательно распространяет мнение о том, что любая военная или политическая напряженность между Тегераном и Баку немедленно приведет к беспорядкам на улицах Тебриза, Урмии и Ардебиля, серьезно бросив вызов *«национальному единству»* Ирана. Этот нарратив достиг своего пика в 2020 г., одновременно со Второй карабахской войной, которая закончилась победой АзР и отступлением Армении. В тот период близкие к Баку СМИ активно пытались изобразить, что символический успех Алиева в войне может вызвать волну этнической солидарности на северо-западе Ирана.

Реальные данные, однако, – особенно в последние месяцы, на фоне двух полномасштабных войн США и Израиля против Ирана, – ясно демонстрируют обратное.

Немногочисленные акции в поддержку Баку, имевшие место в 2020 г. в таких городах, как Тебриз, не только не расширились, но и на практике оказались маргинализированы. Напротив, во время двух недавних войн широкие слои азербайджаноязычного населения Ирана активно участвовали в общенациональных митингах в поддержку Исламской Республики, выражая свой гнев по поводу враждебных действий правительства И. Алиева. Жители приграничных регионов стали свидетелями того, как вражеские БПЛА и ракеты пересекали воздушное пространство Ирана со стороны границ АзР, пролетая над их городами и деревнями. Кроме того, общественная осведомленность о наличии израильских военных объектов на азербайджанской территории и трансграничных угрозах с северо-запада сменила прежнее позитивное отношение к северному соседу на пессимизм и явную критику.

По мнению экспертов, культивирование идеи использования азербайджанонаселенных районов в качестве рычага давления на иранские власти является психологической тактикой и операцией медийного проникновения, призванной парализовать волю Ирана к решительным действиям. Однако реальное положение дел показывает, что национальная и религиозная идентичность азербайджанского народа ИРИ оказывается гораздо сильнее, чем простые пантюркистские настроения: подобные идеи не находят поддержки среди населения и продвигаются лишь отдельными местными чиновниками, руководствующимися этническими пристрастиями. Прямой опыт иностранных угроз – будь то нарушения воздушного пространства, военное сотрудничество Баку с Израилем и пропуск враждебных дронов – привел граждан по всей стране к выводу, что сотрудничество правительства Алиева с Израилем является реальной угрозой безопасности всего Ирана, особенно северо-западного региона. Таким образом, обеспокоенность **«внутренней реакцией»** является не чем иным, как предлогом, и не может оставаться сдерживающим фактором для внешней политики Тегерана в отношении Баку. Азербайджанское население ИРИ всегда было в авангарде тех, кто требовал решительного ответа агрессорам, и на протяжении столетий оставалось надежным защитником рубежей родины.

5-11. Непрозрачные и сложные антииранские действия Баку

В отличие от арабских стран, чьи антииранские действия обычно прозрачны, очевидны и легко прослеживаются, враждебное поведение АзР в отношении Ирана часто скрыто завесой секретности, носит косвенный характер и сопровождается специфическими сложностями. Эта непрозрачность антииранских действий Баку связывает Ирану руки и мешает иранским политикам принять четкое и твердое решение о мерах противодействия. Задействование прокси-элементов, тайные разведывательные операции и использование сложного геополитического ландшафта Кавказа входят в число методов, которые Баку использует для продвижения своих антииранских целей, избегая открытой конфронтации.

По сути, стратегия АзР в отношении Ирана строится на многоуровневой игре. Формально придерживаясь дипломатического этикета и поддерживая официальный диалог, азербайджанская сторона одновременно стимулирует антииранские инициативы, задействуя неформальные структуры и параллельные институты. Подобная амбивалентность курса намеренно затрудняет для Ирана процесс обозначения четких «красных линий», так как любые недружественные шаги Баку маскируются сложной системой отрицания и дипломатической эквилибристики.

Баку хорошо знает, что прямой и открытый конфликт с Ираном, обладающим выгодным положением с точки зрения военной и экономической мощи, был бы губителен для его геополитических и экономических интересов. Следовательно, азербайджанская сторона всегда стремилась получить максимальную выгоду при наименьших затратах посредством локальных провокаций, не считающихся чрезмерно опасными, постепенно проверяя возможность нарушения «красных линий» Ирана.

Руководящей силой для Баку в этом отношении является Израиль, чье влияние в правительстве И. Алиева достигло значительной глубины в военной сфере, а также в сфере безопасности и экономики, и именно этот факт является одним из наиболее важных компонентов скрытой угрозы национальным интересам Ирана в Кавказском регионе. Ситуация осложняется тем, что эти отношения протекают в скрытых слоях регионального уравнения, что затрудняет доказательство прямого следа Баку в некоторых антииранских действиях. Для управления напряженностью в отношениях с Ираном, Баку иногда даже распространяет агрессивные фейковые новости против страны, чтобы заставить Тегеран проявить пассивность и хранить молчание перед лицом его недружественного поведения.

Например, время от времени всплывают новости об аресте граждан АзР за связи с Ираном, пропаганду шиитского учения, причастность к незаконному обороту наркотиков или за попытки совершения терактов, таких как нападения на трубопровод Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), израильское посольство в Баку и синагоги. В ответ Иран, стремясь сохранить оставшиеся возможности в двусторонних отношениях и учитывая свои многочисленные опасения во внешней политике и международных отношениях, обычно не акцентирует внимание на этих обвинениях или ограничивается дипломатическими ответами. Сдержанность Ирана также основана на соображении, что Баку является центром тайного альянса с региональными соперниками Ирана и внерегиональными врагами. Следовательно, решительный, симметричный ответ со стороны Тегерана может повлечь за собой серьезные издержки, из-за чего Иран предпочитает действовать асимметрично.

Другая причина такого подхода заключается в том, что Баку, вкладывая огромные средства в персоязычные СМИ и социальные сети, стремится создать желаемую психологическую атмосферу и выстроить враждебную Ирану идентичность в Кавказском регионе и даже внутри самой ИРИ, при этом не приписывая антииранские действия напрямую себе. Эта гибридная война наносит тяжелый урон национальной безопасности Ирана без четкой привязки ее основного источника к Баку.

Оценки экспертов подтверждают, что непрозрачность и многослойность антииранских инициатив Баку являются частью продуманной и последовательной стратегии. Используя методы стратегической неопределенности и маскируя свои шаги в дипломатической и силовой сферах, АзР удерживает инициативу в периоды обострения двусторонних отношений, провоцируя у иранской стороны состояние стратегической нерешительности и сомнений. Преодоление этого вызова требует точной идентификации и нейтрализации скрытых сетей влияния Баку и разработки стратегии умного асимметричного ответа. Для достижения антииранских целей и избежания прямой конфронтации Баку использует геополитику Кавказа, привлекая ваххабитские и такфиристские прокси-группировки через скрытые механизмы влияния. Одновременно с этим, чтобы парализовать волю Тегерана к ответным действиям и

поддерживать атмосферу стратегической неопределенности, Баку активно продвигает нарратив о возможном использовании Ираном радикальных прокси-сетей против АзР, что лишь подчеркивает растущую изоционность тайного соперничества в регионе.

5-12. Недооценка угрозы со стороны Баку в силу его геополитической уязвимости

Ряд аналитиков указывает на то, что в кругах иранского руководства до сих пор доминирует мнение о незначительности вызовов, исходящих от Баку, что обусловлено спецификой географии и геополитики АзР. Представители власти, разделяющие данную позицию, полагают, что Тегеран обладает достаточным потенциалом, чтобы в любой момент нейтрализовать масштабные угрозы со стороны соседа. Отсутствие прямого выхода к открытому морю, экономическая хрупкость, а также историческая общность культурно-религиозных ценностей с Ираном сформировали устойчивое убеждение в том, что Азербайджан не способен стать источником по-настоящему серьезной и долгосрочной опасности. Подобные перцептивные установки существенно ослабляют стимулы для принятия превентивных и жестких мер по сдерживанию деструктивной активности Баку.

Представители власти, разделяющие данный подход, исходят из того, что АзР не является значимым региональным игроком и в силу своих территориальных и демографических ограничений не способна на равных конкурировать с крупными державами. Подобная недооценка потенциала Баку рассматривается экспертами как одна из фундаментальных предпосылок игнорирования Тегераном исходящих от него вызовов. В конечном итоге это препятствует своевременному и серьезному восприятию масштаба будущих угроз.

Тем не менее среди экспертов сложился твердый консенсус относительно того, что мнение о том, что **«такая небольшая страна, как АзР, не имеющая выхода к открытому морю, представляет лишь незначительную опасность для Ирана»**, является серьезным и глубоким заблуждением. Подобная оценка свидетельствует о явном несоответствии между прагматичным анализом реалий и инертными, пассивными методами реализации иранского внешнеполитического курса. По мнению специалистов, АзР выступает источником потенциальной угрозы суверенитету и территориальному единству Ирана, что находит выражение в этнополитической плоскости, пропаганде пантюркизма, ведении гибридных и разведывательных операций. Кроме того, реализация транзитных инициатив, в частности проекта т. н. **«Зангезурского коридора»**, несет в себе риск окончательного формирования геополитической блокады ИРИ. Аналитики подчеркивают, что сохранение нынешней траектории стратегического бездействия не только закрепило за Ираном пассивную роль в региональных процессах, но и создало благоприятные условия для усиления влияния и экспансии его геополитических противников.

5-13. Стратегический приоритет: противостояние Израилю и США

Влиятельные круги в иранском руководстве придерживаются убеждения, что основными геополитическими противниками Тегерана являются Израиль и Соединенные Штаты. Согласно этой логике, внешнеполитические усилия должны быть сконцентрированы на **«дисциплинировании»** этих глобальных игроков. Сторонники

данного подхода рассматривают АзР как второстепенного актора («*ничто*» на фоне великих держав), полагая, что усмирение Вашингтона и Тель-Авива автоматически приведет к коррекции поведения Баку и прекращению его дерзких выпадов.

Подобная установка привела к тому, что реакция Тегерана на провокации Баку зачастую оставалась в непубличной плоскости либо сводилась к ограниченным военным маневрам; даже публичные демарши носили строго контролируемый характер. Однако в условиях формирования многополярного мира представление о том, что ключ ко всем региональным проблемам находится исключительно в руках США и Израиля, представляется ошибочным. Иллюзия, будто открытие «*главного замка*» автоматически отойдет и «*малый бакинский замок*», игнорирует реальность: за последние годы Баку выстроил сложную систему, ключ к управлению которой находится непосредственно в Тегеране, а не в зарубежных столицах. Это требует от Ирана мудрого и прямого управления отношениями с северным соседом.

Главный изъян такого подхода заключается в том, что Баку, опираясь на поддержку Израиля и Турции, не изменит свой курс без прямого и соразмерного воздействия со стороны Тегерана. Игнорирование угрозы, исходящей от АзР, фактически позволило ему превратиться в региональный плацдарм сионизма. Сегодня Баку обеспечивает энергетические потребности Израиля, содействует его разведывательной деятельности через кибербазы и радары, а также продвигает геополитические проекты вроде «*Зангезурского*» или натовского «*Туранского*» коридоров, направленные на территориальную блокаду Ирана.

Тем не менее данная стратегия обладает критическим недостатком: как подтверждает практика, Баку, опираясь на покровительство Турции и Израиля, не откажется от своего курса без прямого и эквивалентного воздействия со стороны Тегерана. Руководствуясь подобными доводами и фактически игнорируя угрозу со стороны АзР, Иран допустил превращение этой республики в региональный форпост Израиля. Это позволило Баку взять на себя роль энергетического донора Израиля, содействовать геополитической блокаде Ирана через проекты «*Зангезурского*» или натовского «*Туранского*» коридоров, а также предоставить израильской стороне площадки для кибер- и радарных баз, параллельно ведя подрывную психологическую работу, нацеленную на дезинтеграцию иранского государства.

Ряд специалистов полагает, что расчет на «*автоматическую нормализацию курса Баку вслед за урегулированием отношений Ирана с США и сдерживанием Израиля*» оказался критическим стратегическим просчетом Тегерана. В рамках этой парадигмы азербайджанские власти смогли беспрепятственно легитимизировать присутствие израильских военных и разведывательных структур, реализуя наиболее рискованные антииранские сценарии без опасений получить соразмерный ответ. Игнорирование того факта, что в условиях трансформации миропорядка угрозы безопасности ИРИ теперь транслируются не напрямую от великих держав, а через их региональных партнеров, вынудило Иран занять оборонительную позицию. Это создало избыточное поле для маневров и деструктивной активности таких игроков, как администрация И. Алиева.

5-14. Разумное управление напряженностью со стороны Баку

Неспособность Тегерана эффективно противодействовать враждебным шагам Баку во многом обусловлена самой моделью поведения, выбранной администрацией И. Алиева. Глубокое понимание психологии, предпочтений и уязвимых мест иранского истеблишмента, а также специфики общественного мнения в ИРИ, позволяет азербайджанскому руководству виртуозно манипулировать кризисными ситуациями. Баку выстраивает свои действия таким образом, чтобы спровоцированное ими недовольство Тегерана балансировало на грани, но никогда не переходило порог, за которым следуют по-настоящему жесткие и решительные ответные меры. Иными словами, Баку последовательно контролирует процесс нагнетания напряженности в отношениях с Ираном, стремясь предотвратить ее эскалацию до уровня, способного причинить серьезный ущерб самому Азербайджану. Подобное управляемое регулирование напряженности неизменно удерживало реакцию Ирана ниже порога решительных военных действий.

Согласно оценкам специалистов, внешнеполитический курс Баку строится на принципе **«умного балансирования»** во взаимодействии с мировыми державами и соседними государствами. Ильхам Алиев искусно манипулирует отношениями с Тель-Авивом и Тегераном, используя их как две игральные карты. Он целенаправленно регулирует уровень эскалации с Ираном, стремясь конвертировать эту напряженность в механизмы реализации собственных геополитических инициатив (включая проект т. н. *«Зангезурского коридора»*) и платформу для укрепления партнерства с Израилем.

Хотя ресурсный потенциал Азербайджана несопоставим с мощью Ирана, детальный анализ иранских внешнеполитических установок позволил Баку эффективно эксплуатировать доктрины **«умиротворения»** и **«стратегического терпения»**, продвигая свои амбициозные требования без серьезных опасений столкнуться с жестким противодействием. Тем не менее маловероятно, что данная модель поведения останется жизнеспособной в долгосрочной перспективе, если деструктивная активность Баку в отношении Ирана сохранит текущую динамику.

Например, несмотря на акцент Баку на формировании антииранской идентичности в азербайджанонаселенных провинциях Ирана и разжигании этнических и **«пантюркистских»** дискурсов, И. Алиев одновременно стремится к тому, чтобы эта словесная и медийная напряженность не пересекала порог терпения Ирана и не провоцировала военный ответ. Точечными провокационными действиями Алиев пытается вынудить Иран на реакции, которые он может использовать в свою пользу на международной арене.

Провокационные речи И. Алиева на саммитах тюркоязычных стран о необходимости защиты прав азербайджанцев Ирана и так называемом **«культурном угнетении»** со стороны ИРИ выверены именно так, чтобы не провоцировать Иран больше допустимого, позволяя удерживать его от активных контрмер. Эта политика, однако, является чем-то большим, чем простая тактика: Алиев использует каждый из этих враждебных шагов как выигрышную карту для извлечения уступок за столом переговоров с Западом и Израилем.

По мнению экспертов, модель поведения правительства И. Алиева в отношении Ирана можно назвать **«стратегией водяного ужа»**: это повторяющиеся, болезненные

укусы, которые, впрочем, никогда не бывают достаточно глубокими, чтобы спровоцировать оппонента на смертельно опасную для Баку реакцию.

5-15. Ошибочное поведение, вызванное поспешностью в компенсации отставания на Кавказе

Ошибочные действия, обусловленные стремлением поспешно компенсировать дефицит влияния на Кавказе, стали следствием исторического промедления в полноформатном вовлечении Ирана в региональные дела после распада СССР. Столь долгая пауза объяснялась чрезмерной концентрацией Тегерана на западноазиатской повестке и глобальном противостоянии с Вашингтоном. Попытки форсированно наверстать упущенное – особенно остро проявившиеся после установления АзР полного контроля над Карабахом – порой толкали Иран к жесткому давлению и принудительным мерам в отношении отдельных государств региона. Вместо того чтобы придерживаться стратегии планомерных, последовательных и институционально закрепленных шагов, Иран начал действовать импульсивно и поспешно, реагируя на внезапно возникшие угрозы своим интересам. Однако подобная поспешность зачастую давала противоположный эффект, лишь отдаляя перспективы формирования глубокого и долгосрочного влияния в регионе.

Эта ситуация, уходящая корнями в десятилетия упущенных возможностей и отсутствие долгосрочной стратегии, вызвала серьезную критику со стороны аналитиков. Некоторые эксперты полагают, что у Тегерана **«не было никакого плана или кодифицированной программы для этого региона в течение последних 30 лет, из-за чего в прошлые годы были упущены золотые возможности»**. Сама эта поспешность привела к тому, что внешняя политика Ирана в отношении РА и АзР порой была совершенно противоречивой и нескоординированной.

Результатом этих поспешных, а иногда и принудительных действий стало то, что Иран попал в **«геополитическую засаду»** на Кавказе, своими неосмысленными действиями способствуя укреплению позиций соперников и растрате своих национальных интересов. Как следствие, во время и после Второй карабахской войны Иран не смог обеспечить свои национальные интересы и безопасность, а ценные возможности, особенно для противодействия созданию т. н. **«Зангезурского коридора»**, ускользнули от ИРИ.

Поэтому изменение подхода Тегерана является насущной необходимостью, способной предотвратить усугубление стратегического поражения, ставшего результатом исторического промедления на Кавказе, нервными, поспешными реакциями. Ведь порочный круг **«пассивность–поспешность»** не только не защищает национальные интересы, но и углубляет кризисы, с которыми сталкивается Иран на Южном Кавказе.

5-16. Оппортунизм Баку после того, как Иран проигнорировал удовлетворение стратегических потребностей Армении

Промедление Ирана в обеспечении экономических, торговых и оборонных интересов Армении – его ключевого союзника на Южном Кавказе – оказало глубокое стратегическое воздействие. Подобная нерешительность, объясняемая **«медленной бюрократической процедурой, слабостью транзитной инфраструктуры и отсутствием**

системного плана», вынудила Армению обращаться к другим государствам, включая Азербайджан, что существенно ослабило позиции Ирана и его влияние в регионе.

Одним из наиболее ярких примеров такой неэффективности стало отсутствие прогресса в проекте строительства иранского нефтеперерабатывающего завода в Сюникской области Армении. Из-за неспособности Ирана действовать своевременно этот стратегический шанс был упущен, хотя НПЗ имел жизненно важное значение для Армении, учитывая ее полную зависимость от импорта нефтепродуктов. Теперь этот проект может быть передан третьим странам. Если бы НПЗ был построен Ираном, излишки бензина, произведенного в Армении, могли бы отправляться обратно в ИРИ, частично компенсируя энергетический дисбаланс в северо-западных провинциях.

Более того, неспособность Тегерана своевременно поставлять бензин и другие стратегические промышленные и продовольственные товары, необходимые Еревану, нанесла еще один удар по структуре двусторонних отношений и влиянию Ирана на Кавказе. Такое промедление открыло пространство для других региональных и внерегиональных акторов (включая Россию, Турцию и даже АзР) для проникновения и удовлетворения базовых потребностей Армении. Заполнив вакуум, оставленный Ираном, эти игроки постепенно укрепили свои позиции в экономике Армении. При этом ожидаемое открытие армяно-турецкой границы еще больше снизит экономические возможности Ирана в Ереване.

Задержка в строительстве второго пограничного моста между двумя странами через реку Араз (Аракс) является очередным примером подобной неэффективности. В условиях, когда региональные экономические коридоры стали ареной конкуренции между крупными державами, медлительность в развитии пограничных переходов оттесняет Иран на периферию важнейших региональных транзитных проектов. Модернизация и завершение строительства коридора «Север–Юг» наряду с созданием зон свободной торговли на общей границе остается одним из важнейших направлений сотрудничества Ирана и Армении. На практике срыв сроков выполнения этих проектов привел к тому, что такие схемы, как т. н. «*Зангезурский коридор*», направленный на ликвидацию ирано-армянской границы, стали более агрессивно продвигаться геополитическими конкурентами.

Отсутствие долгосрочной стратегии и кодифицированного плана для Кавказского региона, нехватка подходящей торговой инфраструктуры, некачественные транзитные дороги и слабая работа по информированию общественности входят в число наиболее значимых проблем, препятствующих расширению коммерческих отношений между Тегераном и Ереваном. Совокупность этих факторов ограничила пространство для влияния Ирана в Армении, предоставляя другим региональным и внерегиональным акторам, таким как АзР, больше возможностей для маневра в продвижении своих целей на Южном Кавказе. В итоге пространство для маневра Тегерана на Южном Кавказе – в том числе в отношениях с Баку – стало более стесненным.

5-17. Упущенные возможности из-за пренебрежения общественной дипломатией и сосредоточения исключительно на взаимодействии с правительством Алиева

Критическим изъяном стратегии Ирана в отношении Азербайджанской Республики стало фактическое игнорирование инструментов общественной дипломатии и каналов

привели к тому, что реальная роль Ирана и глубокие историко-культурные связи между народами оказались в тени. В результате вне зависимости от официального уровня межгосударственных контактов азербайджанское общество начало ментально отдаляться от Ирана. Преодоление этой тенденции требует отхода от традиционных дипломатических лекал и перехода к осознанному наращиванию **«мягкой силы»** через инвестиции в культурные проекты, медиаактивность и использование потенциала деловых кругов.

Более того, дефицит усилий в сфере народной дипломатии развязал руки властям в Баку для ужесточения политики в отношении шиитского населения собственной страны. ИРИ, рассматривающая защиту единоверцев как приоритетную задачу, оказывается перед дилеммой: необходимость поддержки шиитской общины Азербайджана требует решительности, однако риск спровоцировать усиление репрессий против них вынуждает Тегеран проявлять предельную осмотрительность в своих действиях.

6. Дискуссия и анализ: отсутствие конструирования угрозы со стороны Баку в сознании иранских лиц, принимающих решения

Рассматривая вышеперечисленные факторы, становится понятно, почему угроза со стороны АзР все еще не идентифицирована основными директивными органами ИРИ как серьезная, неотложная и стратегическая. Таким образом, совокупность внутренних факторов (отсутствие стратегии, слабое понимание ситуации, влияние лоббистских групп, недооценка процесса построения идентичности и псевдонационализм), региональных и внерегиональных аспектов (учет факторов Турции и России, игнорирование усиления израильского и британского влияния в Баку), экономических и геополитических условий (зависимость от транзита и оппортунистическая политика Баку на фоне игнорирования Ираном стратегических потребностей Армении), а также психологических и перцептивных барьеров (недооценка потенциала Баку, модель управления напряженностью Алиева, приоритет Израиля и США) привела к тому, что в представлении иранских элит Баку не воспринимается как **«экзистенциальная угроза»** или даже как **«стратегическая угроза первого порядка»**.

Конструктивистская теория наглядно объясняет природу такого восприятия. Согласно этой теории, **«угроза»** – это не объективная реальность, независимая от сознания акторов, а феномен, конструируемый в процессе социальных взаимодействий, интерпретации информации и формирования коллективного восприятия. В контексте ирано-азербайджанских отношений семантические и идентификационные структуры, сформированные между двумя сторонами – включая общее культурное наследие, религиозные связи, историю поддержки Баку Ираном в Первом карабахском конфликте и восприятие Азербайджана как малого уязвимого государства – помешали тому, чтобы враждебные действия Баку были интерпретированы и поняты в рамках **«стратегической угрозы»**. Иранские лица, принимающие решения, воспринимали действия Баку скорее как **«спорадическое озорство»** маленького соседа, нежели как **«систематическую угрозу»** стратегического врага. Даже израильское присутствие в республике пока не привело к фундаментальным изменениям в этой ментальной конструкции, хотя сотрудничество правительства И. Алиева с Израилем в ходе двух недавних войн против Ирана все же внесло определенные коррективы в позицию Тегерана.

В то же время один из наиболее важных выводов данного исследования с конструктивистской точки зрения заключается в следующем: Тегеран упустил из виду то, как враждебные акторы – прежде всего Израиль, Великобритания и Турция – целенаправленно конструировали в Азербайджане антииранскую идентичность. В результате Иран потерял возможность закрепиться в сознании элит и общества как «*друг*» и «*естественный союзник*». Напротив, благодаря своему активному присутствию в процессе формирования национальной идентичности в этой стране, 3 вышеупомянутые страны сумели укоренить образ Ирана как «*чужого*» в азербайджанском национальном сознании. Эта трансформация идентичности, в свою очередь, обеспечила ментальную и семантическую основу для враждебного поведения Баку по отношению к Тегерану – поведения, которое, с учетом глубоких культурных и цивилизационных связей, либо не сформировалось бы вовсе, либо носило бы гораздо более ограниченный характер.

7. Роль бакинского лобби в управлении разрывом между региональной реальностью и ее восприятием в государственной системе

Результаты исследования подчеркивают значимую роль пробакинского лобби в поддержании дистанции между объективной действительностью в регионе и ее интерпретацией в структурах власти ИРИ. В то же время эксперты предостерегают от преувеличения степени влияния данной группы. Исторически сложилось так, что торговое взаимодействие Ирана с кавказским регионом, включая Армению, традиционно осуществлялось при посредничестве ирано-азербайджанских предпринимателей. Это обусловлено географической близостью провинций Ардебиль, Восточный и Западный Азербайджан к границам соседних республик. Вследствие этого экономическая активность в данной зоне имеет естественную основу и определяется прежде всего прагматическими интересами бизнеса, а не целенаправленным политическим диктатом.

Несмотря на усилия бакинского лобби, его влияние на рядовых граждан в азербайджанонаселенных регионах Ирана остается минимальным, ограничиваясь лишь узким кругом элит и отдельных чиновников. Попытки этой группы навязать свои взгляды широким массам не увенчались успехом. Основной причиной провала стала деятельность режима Алиева за последние 20 лет, и в частности – его антииранская позиция после Второй карабахской войны 2020 года. Декларативные лозунги Баку о защите прав иранских азербайджанцев не смогли вызвать симпатии или доверия у населения из-за тесного взаимодействия азербайджанских властей с силами, враждебными Ирану, прежде всего с Израилем.

Хотя иранские азербайджанцы и население Азербайджана имеют существенные культурные, языковые и религиозные общности, население азербайджанских регионов Ирана не проявляет никакой готовности защищать или поддерживать политическую структуру Баку. Таким образом, утверждения бакинского лобби о существовании политической солидарности между режимом Алиева и азербайджанским населением Ирана изначально являются ложными.

Следовательно, пантюркистское течение в Иране носит характер заимствованного и навязанного феномена, лишённого подлинной основы и отвергаемого большинством иранского общества. Его идеологический центр расположен за пределами страны – в

Азербайджане и Турции, а управляется внешними силами, прежде всего Британией и Израилем. При этом большинство иранских азербайджанцев не только не выступают источником уязвимости или угрозы, но и демонстрируют противоположную реакцию: на фоне повторяющихся угроз национальной безопасности Ирана со стороны Азербайджана в ходе двух последних региональных конфликтов они выступают за возвращение азербайджанонаселенных территорий к северу от Аракса в состав Ирана.

Уровень государственной поддержки азербайджанонаселенных районов ИРИ, как и интенсивность военных атак и угроз против них, ничем не отличались от ситуации в других частях Ирана. Усилия пантюркистских течений и бакинских агентов по продвижению этноцентричного дискурса в азербайджанских регионах Ирана с целью подготовки почвы для сепаратизма и автономии также провалились, натолкнувшись на серьезное сопротивление со стороны народа и государственной системы. В ходе Второй карабахской войны (2020 г.) управление общественным мнением в азербайджанских регионах Ирана было выстроено неэффективно, из-за чего проблема решалась на местном уровне. Региональные деятели сыграли чрезмерную роль в формировании официального дискурса и получили слишком большой вес в принятии внешнеполитических решений Ирана на том этапе. Этот опыт продемонстрировал, что не следует придавать слишком избыточное значение имамам пятничных молитв и местным деятелям в управлении внешней политикой, поскольку внешняя политика требует стратегического, национального и транслокального взгляда, а не этнических и региональных чувств и принадлежности. Пренебрежение этим важнейшим вопросом ведет к проникновению неквалифицированных лиц в сферы принятия решений, что приводит к представлению неверных анализов, ошибочных решений и, в конечном итоге, к действиям, противоречащим национальным интересам.

Тем не менее, благодаря своему влиянию в определенных организациях и институтах, это лобби – в случаях, когда оно было осведомлено о планах правительства И. Алиева – координировало свои действия. Посредством точного планирования и активации своей политической, силовой, культурной и медийной сети ему удавалось обеспечивать эффект неожиданности, идущий вразрез с интересами Ирана. Ярким примером неспособности этого лобби навязать свою волю стали военные учения КСИР на северо-западных границах в 2022 г., которые, несмотря на медийную кампанию и давление со стороны бакинского лобби, были успешно проведены. Однако из-за ограниченного числа экспертов по Кавказу и слабости аналитической инфраструктуры в этой области, а также под влиянием некоторых других проблем, государственная система Исламской Республики не смогла своевременно противостоять данной кампании. Наглядным примером успеха бакинского лобби стала эксплуатация факта нападения на посольство АзР в Тегеране в 2023 г. Используя шок и замешательство, вызванные этим событием в государственной системе Исламской Республики, Баку удалось успешно продвинуть свой план по нормализации отношений с Израилем, заставив Тегеран проявить пассивность перед лицом этого враждебного действия.

После событий 2023 года и установления Баку полного контроля над Карабахом, сопровождавшегося интенсивной активацией такфиристских группировок и израильских агентов в этом регионе против Ирана, начались усилия по изменению периферийного и

инструментального взгляда на Кавказ в иранской системе принятия решений. Ярким примером этого сдвига в подходе является эволюция взглядов Али Акбара Велаяти, советника Верховного лидера. Велаяти, который в 1990-х годах считал, что Иран должен *«смотреть на Кавказ глазами России»*, теперь прямо заявляет, что Иран с Россией или без нее предотвратит создание т. н. *«Зангезурского коридора»*, поскольку эта схема угрожает национальной безопасности Ирана и региона в целом. Это изменение подхода указывает на тенденцию роста восприятия угрозы со стороны Баку среди иранской элиты, хотя данная тенденция все еще находится на ранних стадиях.

8. «Красные линии» Ирана в отношении так называемого «Зангезурского коридора» и перспективы геополитических событий

Одним из наиболее острых вопросов в ирано-азербайджанских отношениях в последние годы стал спор вокруг т. н. *«Зангезурского коридора»*. Данный коридор, имеющий целью создание коммуникационного маршрута между основной территорией АЗР и Нахичеванью через территорию Армении, имеет для Тегерана фундаментальное геополитическое значение. Анализ позиции Ирана по этой проблеме требует четкого разграничения ее экономического и безопасностного измерений.

«Красные линии» Ирана в отношении проекта т. н. *«Зангезурского коридора»* не изменились с момента его выдвижения. Если вопрос заключается исключительно в установлении транзитных коммуникаций между Нахичеванью и основной территорией АЗР, то Иран не имеет возражений. Экономические проекты, способствующие миру и стабильности в Кавказском регионе, приветствуются Ираном как фактор развития регионального сотрудничества. Тегеран неоднократно подчеркивал, что не имеет возражений против законных транзитных маршрутов под национальным суверенитетом региональных стран.

Однако если эти коммуникационные проекты призваны разжечь геополитическое соперничество и привлечь на Кавказ внерегиональные державы, преследующие свои специфические цели в этом регионе, то Иран будет решительно выступать против них, поскольку его национальная безопасность окажется под угрозой. Старший советник Верховного лидера Али Акбар Велаяти прямо охарактеризовал т. н. *«Зангезурский коридор»* как **«геополитическую схему под руководством США и Израиля по подрыву национальной безопасности Ирана»** и заявил, что **«национальная безопасность Ирана – наша красная линия»**. По его словам, **«главная цель этих планов – ослабить «Ось сопротивления», разорвать связь Ирана с Кавказом и навязать сухопутную осаду Ирану и России на юге региона»** (en.interaffairs.ru, 11 августа 2025 г.).

Последние события подтверждают, что за экономическим фасадом региональных инициатив скрываются иные цели. В частности, продолжение пути т. н. *«Зангезурского коридора»* по территории Армении было предложено в форме плана TRIPP или *«Пути Трампа к международному миру и процветанию»* при посредничестве США в рамках первоначального мирного соглашения между РА и АЗР. Иран обеспокоен долгосрочным присутствием США в регионе для контроля над этим маршрутом и возможностью того, что коридор станет геополитическим инструментом для ограничения иранского и российского

влияния на Кавказе. Иран с самого начала заявлял, что не примет транзитных схем, разработанных с целью **«изменения геополитики региона и подрыва национального суверенитета стран»** (en.mehrnews.com, 27 июля 2025 г.).

Тем не менее эксперты полагают, что эти споры вряд ли приведут к крупномасштабному военному конфликту. Этому есть несколько причин. Во-первых, Соединенные Штаты, особенно после опыта недавних столкновений Ирана в Персидском заливе и доказательства его потенциала сдерживания, едва ли осмелятся на масштабное военное присутствие у иранских границ на Кавказе. Вашингтон больше не готов идти на такой риск и не будет размещать свои силы в зоне досягаемости иранских ракет и беспилотников в регионе, что геополитически играет на руку Ирану. Во-вторых, сами региональные акторы – Республика Армения и Азербайджанская Республика – также не пойдут на такой риск. Имея горький опыт прошлых столкновений и четко осознавая последствия военного конфликта в регионе, Ереван и Баку будут проявлять осторожность, чтобы не попасть в пространство, где им может быть нанесен ущерб в ходе возможных расчетов между крупными державами. Их национальные интересы диктуют необходимость избегать превращения своих территорий в арену для прокси-конфронтации между крупными державами.

Что касается АзР, данные свидетельствуют о том, что эта страна также внесла коррективы в свою позицию. Региональные государства, включая Турцию и АзР, в настоящее время пытаются представить транспортные и коммуникационные проекты как чисто экономические и ориентированные на обеспечение связности. Анкара и Баку больше не желают присутствия США в этих проектах так, как это было в прошлом. Причина этого сдвига в подходе заключается в том, что Анкара и Баку осознали, что присутствие США лишь разжигает геополитическое соперничество и повышает чувствительность России и Ирана в регионе. Турция, в частности на фоне ее недавних конфликтов с Израилем в Сирии, скорректировала свои региональные приоритеты и стала более осторожно относиться к перспективе присутствия США на Кавказе.

Баку также демонстрирует признаки изменения поведения и восприятия. Например, бакинские власти не стали освещать в новостях заявления израильских органов безопасности, утверждавших о некой иранской деятельности в АзР, направленной против Израиля. Одной из причин подобной сдержанности стали военные и стратегические успехи Ирана в двух недавних вооруженных противостояниях с Израилем. Эти успехи продемонстрировали Баку, что Тегеран обладает способностью к решительному ответу на угрозы, сделав прежние расчеты на слабость Ирана неактуальными. Бакинские чиновники стали осторожнее в своих отношениях с Ираном, уделяя больше внимания тому факту, что провоцирование Тегерана может повлечь за собой тяжелые издержки для них. Тем не менее, ввиду сохраняющегося конфликта между Ираном и США, любые окончательные выводы относительно будущего их присутствия на Южном Кавказе, как и дальнейшего поведения Армении и Азербайджана в данном контексте, пока преждевременны.

9. Будущие перспективы: рост восприятия угрозы и потенциальный сдвиг в подходе Ирана

Учитывая текущие тенденции в ирано-азербайджанских отношениях, можно прогнозировать, что восприятие Баку как угрозы в Иране продолжит нарастать.

Растущее присутствие Израиля и Великобритании в силовых, разведывательных, экономических и культурных структурах АзР имеет многочисленные проявления: от создания на азербайджанской территории баз Моссада для операций против Ирана до широкого военного сотрудничества и поставок Баку современного израильского вооружения. За последнее десятилетие антииранское поведение Баку охватило широкий спектр: от соучастия в краже ядерных документов Ирана и полета разведывательных беспилотников в сторону объектов в Натанзе до открытого сотрудничества с Израилем в недавних ударах вглубь иранской территории. Подобные действия в сочетании с враждебной политикой и попытками ограничить влияние Ирана на Кавказе постепенно трансформируют образ Баку в представлении иранских лиц, принимающих решения, из «беспокойного соседа» в «стратегическую угрозу». Интенсивность этих антииранских действий достигла критического уровня, при котором прежние конструкции и нормы, препятствовавшие конфронтации Ирана с Баку, будут эволюционировать в ущерб АзР.

В этих рамках можно ожидать, что по мере эскалации Баку напряженности в отношениях с Тегераном ответная реакция Ирана в отношении этой страны станет более жесткой и решительной. Недавние заявления Манучехра Моттаки, бывшего министра иностранных дел и нынешнего члена парламента, который обратился к АзР в предупреждающем и решительном тоне, служат признаком этого сдвига в подходе. Государственная система Исламской Республики Иран, особенно с учетом опыта двух недавних войн, серьезно изучает свои подходы к внешней политике и безопасности. Параллельно в стране усиливается тенденция противодействия лоббистским группам и внутренним каналам влияния.

Вполне возможно, что при сохранении антииранского курса Баку и возникновения риска потенциального столкновения в будущем Иран примет твердое решение о силовом принуждении соседа к сдержанности. С точки зрения стратегической логики, если Иран всерьез обеспокоен открытием нового фронта на северо-западных рубежах, он должен действовать превентивно. Оптимальной возможностью для этого – уже после первоначального формирования примирения с Соединенными Штатами и до окончательного завершения войны, пока ресурсы Израиля скованы и он лишен возможности поддержать Баку – может стать нанесение (открыто или тайно) критического урона интересам АзР. Данные свидетельствуют о том, что за последние недели некоторые практические препятствия для противодействия антииранскому поджиганию войны со стороны Баку были устранены, и необходимость в таких действиях становится все более очевидной. Подобно тому как оценка отношений с ОАЭ в конечном итоге привела к решению о жесткой конфронтации с этой страной из-за ее глубокого стратегического сотрудничества с Израилем и США, продолжение напряженности в регионе и поведение Баку по сотрудничеству с Израилем в трех областях – энергетике, транзите товаров и предоставлении инфраструктуры – может в конечном итоге запустить сценарий его силового сдерживания. В то же время существует возможность применения гибридных и прокси-методов на финальной стадии войны, непосредственно предшествующей заключению перемирия, когда руки США и Израиля скованы и они не смогут нанести ответный удар и нарушить согласованные условия.

Ключевым моментом в анализе будущего ирано-азербайджанских отношений является влияние исходов региональных противостояний на позиции Ирана на Кавказе.

Закрепление окончательной победы ИРИ в нынешней борьбе с Соединенными Штатами и Израилем сформирует на Южном Кавказе новое пространство в пользу Тегерана. 12-дневная война между Ираном и Израилем в июне 2025 г. *«послала ударные волны за пределы Ближнего Востока»* и *«подняла Южный Кавказ из регионального перекрестка до ключевого элемента в глобальном стратегическом уравнении»*. Успех Ирана в этом противостоянии будет означать укрепление его потенциала сдерживания и повышение цены авантюризма для таких акторов, как АзР. Победа Ирана не только повысит общую оборонную способность страны, но и расширит пространство дипломатического и стратегического маневра Тегерана на Кавказе и предоставит возможность для более активного преследования национальных интересов в этом регионе.

10. Заключение

Данное исследование, выполненное в рамках конструктивистской теоретической базы и на основе углубленных интервью с 10-ю ведущими иранскими экспертами по Кавказу, проанализировало внешнюю политику ИРИ в отношении АзР. Результаты исследования показывают, что примирительный и пассивный подход Ирана к растущим угрозам со стороны Баку обусловлен тем, что в сознании основных директивных органов Ирана АзР еще не была идентифицирована как стратегическая и неминуемая угроза. Факторы, выявленные в ходе данного исследования – от отсутствия четкой стратегии, недостаточного понимания региона и исторического игнорирования процессов формирования идентичности в АзР до влияния пробакинского лобби, приоритетности отношений с Турцией и Россией, экономической зависимости и специфической модели управления напряженностью режимом Алиева – сыграли важную роль в формировании этого менталитета и подхода.

Одним из ключевых выводов данного исследования стало признание фундаментальной стратегической ошибкой отстранение Ирана от процессов формирования национальной идентичности в АзР. Несмотря на наличие глубоких культурных, идентификационных, религиозных и цивилизационных связей с Кавказским регионом, Иран не только проиграл конкуренцию за идентичность в АзР, но и, по сути, не участвовал в ней. Как следствие, АзР сформировала свою национальную идентичность на основе антииранского нарратива, переориентировавшись на Турцию и Израиль и отдалившись от орбиты иранской идентичности. Эта трансформация идентичности обеспечила ментальные и семантические основы нынешнего враждебного поведения Баку против Тегерана.

Роль пробакинского лобби в формировании разрыва между региональной реальностью и ее восприятием внутри системы заслуживает внимания, однако ее не следует преувеличивать. Данные группы влияния не пользуются авторитетом среди населения, а уровень лояльности к государственной системе ИРИ в азербайджанонаселенных районах оставалась такой же, как и в других регионах Ирана. Попытка продвижения этноцентричного дискурса в этих районах провалилась, а тезис о политической солидарности между иранскими азербайджанцами и бакинским режимом в корне неверен. Тем не менее указанное лобби обладает определенной степенью влияния среди элит и некоторых официальных лиц, периодически усложняя процесс принятия решений путем создания ажиотажа.

В отношении т. н. «Зангезурского коридора» «красные линии» Ирана остаются неизблемыми. Тегеран приветствует чисто экономические и коммуникационные проекты, способствующие региональной стабильности и миру, однако любые скрытые геополитические схемы, угрожающие национальной безопасности Ирана, встретят решительное противодействие со стороны Тегерана. Данные противоречия вряд ли приведут к военному конфликту, так как крупные державы и региональные страны осознают последствия такого конфликта и предпочитают избегать эскалации напряженности.

Тем не менее имеющиеся данные отчетливо указывают на тенденцию роста восприятия угрозы со стороны Баку среди иранской элиты. Сдвиг в позициях таких чиновников, как Али Акбар Велаяти, и решительные предупреждения таких фигур, как Манучехр Моттаки, знаменуют постепенную, но значимую трансформацию внутри правящих кругов страны. Учитывая растущее влияние Израиля и Великобритании в Азербайджане, продолжение антииранского курса Баку и горький прошлый опыт, можно прогнозировать, что в отсутствие фундаментальных изменений в поведении Баку ответные действия Ирана в будущем станут более жесткими и решительными. Государственная система Исламской Республики Иран в настоящее время подвергает серьезному пересмотру свою внешнюю политику. Опыт прошлых кризисов показал: как только вызовы пересекают порог ее стратегической терпимости, режим переходит к решительным карательным мерам. Окончательная победа Ирана в масштабном противостоянии с Соединенными Штатами и Израилем значительно укрепит его позиции на Кавказе, изменив региональное геополитическое уравнение в пользу Тегерана.

Источники на фарси

1. Afzali, Rasoul, Seyedi Asl, Seyed Mohammad, Mahmoudi, Abolghasem. “Explaining Iran-Azerbaijan Relations with a Constructivist Approach”, *Central Eurasian Studies Quarterly*, Vol. 7, No. 2, October 2014.
2. Athaari, Seyed Asadollah, Rahmani, Fatemeh. “An Examination of Iran-Azerbaijan Relations; Challenges and Opportunities”, *National Interest Studies Quarterly*, Vol. 7, No. 30, Winter 2022.
3. Danesh Nia, Farhad. “Alexander Wendt’s Constructivism: Refraining from the Theoretical Impases of International Relations and Achieving a Middle Ground”, *Contemporary Political Essays*, Vol. 6, No. 2, Summer 2015.
4. Moshirzadeh, Homeira. (2009). “Identity and the Conceptual Domains of International Relations”, *Politics Quarterly*, Vol. 39, No. 4, pp. 251–269.
5. *Tabnak*, “Azerbaijan TV: Tabriz, Urmia, Ardabil, Zanjan, and Khoy are Azerbaijani soil!” <<https://www.tabnak.ir/fa/news/1283011>>
6. *Hawzah News*, “Head of the Islamic Union of African Students: 5,000 men and women imprisoned in the Republic of Azerbaijan for being Shia / Absolute ban on hijab and mourning for the Lord of Martyrs (AS) in Azerbaijan”, <<https://www.hawzahnews.com/news/1153647>>
7. *Tabnak*, “Velayati: The so-called ‘Trump’ plan is no different from the Zangezur Corridor”, <<https://www.tabnak.ir/fa/news/1346093>>

8. *Entekhab*, “Velayati, Advisor to the Leader of the Revolution: Iran, with or without Russia, will prevent the construction of the American corridor in the Caucasus / Is the South Caucasus a no-man’s land for Trump to rent? / We will not allow NATO to approach Iran’s northern borders”, <<https://www.entekhab.ir/fa/news/879255>>

Английские источники

1. *Dowsett, James*. “Former German MP Gets Suspended Sentence for Azerbaijani Bribes”, <https://www.occrp.org/en/news/former-german-mp-gets-suspended-sentence-for-azerbaijani-bribes>>, January 23, 2026.
2. *Mehrnews*. “Zangezur Corridor US project targeting Iran, Russia”, <<https://en.mehrnews.com/news/234775/Zangezur-Corridor-US-project-targeting-Iran-Russia>>, Jul 27, 2025.
3. *Mirror-Spectator*. “Charges against a congressman Lay Bare foreign government influence attempt”, <https://mirrorspectator.com/2024/05/06/charges-against-a-congressman-lay-bare-foreign-government-influence-attempts/#single_discover>, May 6, 2024.
4. *OCGRP*. “Former German MP Affirms Indictment Accusing Him of Taking Bribes from Azerbaijan”, <<https://www.occrp.org/en/news/former-german-mp-affirms-indictment-accusing-him-of-taking-bribes-from-azerbaijan>>, May 30, 2025.
5. *The International Affairs*. “View from Tehran: Zangezur corridor a U.S. project targeting Iran, Russia”, <<https://en.interaffairs.ru/article/view-from-tehran-zangezur-corridor-a-u-s-project-targeting-iran-russia>>, August 11, 2025.
6. Note: The names of the Iranian experts with whom interviews of 40 to 90 minutes were conducted are kept confidential at their request and are not publicly listed in this article.